

С.Н. Дурылин

Письма Льва Толстого

(Из воспоминаний).

По приблизительному подсчету, письма Толстого займут до 20 томов в его юбилейном полном издании. Однако, позволительно сомневаться в точности такого подсчета. Вероятно, число томов придется значительно увеличить. Письма исчисляются тысячами.

Однажды, за год до смерти Льва Николаевича, мне пришлось присутствовать, и отчасти и помогать, при утренней разборке почты, полученной в Ясной Поляне. Лев Николаевич еще не возвращался с утренней прогулки. При разборке почты были Александра Львовна, И. П. Горбунов-Посадов и я. Писем была высокая стопка. Другую кучу составили газеты, журналы, книги на разных языках. Давний опыт научил Александру Львовну делить письма на три главных группы: просительные, ругательные и иного содержания. Число просительных было всегда велико. Просители, невероятно разнообразные, просили решительно обо всем. Судя по их наивной и требовательной вере в могущество Толстого, можно было подумать, что Толстой соединяет в себе власть политического диктатора с богатством Рокфеллера. Больше всего просили денег, иногда суммы в сотни и тысячи рублей, — то па уплату долгов, кто на то, чтобы сделаться писателем, поступить на сцену, уехать в Америку, построить машину собственного изобретения...

Ясная Поляна представлялась им неисчерпаемой кассой, откуда всякий мог получить безвозвратные ссуды на любое предприятие. В иные дни этих требований было на тысячу рублей. Эти ежедневные письма с требованием денег доставляли много тяжелых минут Льву Николаевичу. Но огромное большинство их, на взгляд Льва Николаевича, вовсе не заслуживало удовлетворения. Особенно неприятны ему были просьбы такого рода: какой-нибудь столичный студент-технолог требовал от Толстого тысячную сумму для того, чтобы спокойно и без необходимости стороннего заработка пройти курс и сделаться инженером.

«Я должен отнять у мужика деньги и дать ему для того, чтоб он мог спокойно и с удобством подготовиться, сесть на шею этому же мужику», — говорил в таких случаях Лев Николаевич.

Но особенно тяжелы эти письма Льву Николаевичу были тем, что, если бы он и хотел, ему нечем было помочь. На все свои новые сочинения, выходявшие с 1881 г., он не получал ничего: он отказался от права собственности на них. Редкие из издателей его сочинений, приносявших им чистый и большой доход, считали для себя обязательным присылать Толстому хотя бы по экземпляру издаваемых ими его книг. Аккуратно и постоянно это делали «Посредник» и недолго существовавшее «Возрождение», издательства близких к Толстому людей. Между тем, Л. Н. щедро раздавал свои сочинения крестьянам, рабочим, учащимся, приходившим к нему или обращавшимся письменно. Личных денег у Льва Николаевича не было. Единственные деньги, которые он мог считать ему принадлежащими, был гонорар за представления «Флодов Просвещения», который изредка высылали ему из дирекции бывших императорских театров.

Он было отказался и от этого гонорара, но, узнав, что в случае его отказа, гонорар «графу Толстому» все-таки будет начисляться и «за невостремованием» будет обращен на увеличение сумм, отпускаемых на содержание балета, — решил брать эти деньги. Когда в 1907 г. Лев Николаевич указал еще раз в письме, напечатанном в газетах, что он «отказался от владения собственностью» и «не может помочь деньгами, обращающимися к нему лицам», в Ясной Поляне стали получаться в изобилии ругательные письма:

Вот одно из них, сохраненное Н. Н. Гусевым:

«Последним вашим письмом вы перед всеми расписались в том, что вы подлец. Места не хватит для подписей».

В то утро, о котором я говорю, «ругательных» писем было подучено два. Одно — открытка, начавшаяся обращением: «Безбожный Лев! Проклинаю тебя». Проклинала какая-то дама за то, что Толстой «развратил» ее сына, лишив его веры. В другом письме другая дама резко и бранно напала на Толстого за его борьбу против смертной казни, она приводила обычные, столько раз опровергнутые, доводы, сводящиеся к закону: «око за око, зуб за зуб».

Ругательные письма Л. Н. называл «баней для души». Баню эту он принимал едва ли не ежедневно.

Но если никто в то время не возбуждал к себе столько вражды и ненависти, то, конечно, никто не возбуждал и такого тяготения к себе, как Толстой. Ни у кого в мире не было столько и столь различных корреспондентов, как у Толстого. Истинные размеры связей Толстого будут установлены лишь тогда, когда будут обнародованы не только все письма Толстого, но и все письма к Толстому. Эти последние дадут цивильное представление о той всемирной, многообразной тяге к Толстому, которая поистине была беспримерна. «Писать Толстому» было правом всякого, и этим правом пользовались в России, в Европе, в Америке, в Индии, в Австралии, пользовались все, кому была в этом нужда. Огромные расстояния географические, национальные, вероисповедные отделяли корреспондентов Толстого друг от друга, но между каждым из этих корреспондентов и адресатом, Толстым, не было никакого расстояния. Эти ответные письма были для Толстого ежедневно горестью, отрадой и трудом, — большим, неустрашимым трудом.

Рассортированные нами стопы писем Толстой унес в кабинет. Так каждый день в течение 30 лет уносил он эти стоны, стекавшиеся к нему со всех концов света, и работал над ними. Особенно много труда, внимания и любви уделял он письмам крестьян и рабочих. Письма эти радовали его. Он любил вынести такое почему-либо полюбившееся ему письмо из кабинета и прочесть его вслух. Он дорожил своей внутренней связью с трудовым народом. Письма эти, писанные коряво и еле грамотно, он высоко ценил за серьезность запросов, за строго-вдумчивое отношение к жизни.

Н. Н. Гусев сохранил некоторые из таких писем к Толстому. Вот одно письмо с сохранением орфографии:

Высокопочтенному Графу Льву Николаевичу

ПРОШЕНИЕ 16 декабря 1907 г.

Мы нижеподписавшийся крестьянская молодежь села Малая Толкая Толкаевской волости, Бугурусланского уезда Самарской губернии, обращаемся к Вам покорнейшею просьбою, дайте нам совет и помощь образовать в кружок молодых людей частную маленькую библиотечку для бесплатного чтения.

В настоящее время мы не имеем ни книг, ни газет, была у нас народная библиотека и пока существовала, мы ничего пользы не получали, а пользовался большею частью наш сельский священник, теперь и эта почему то закрыта Будьте внимательны к нам, не оставьте нас в погибели, теперь только все надежды возлагаем на Вас, мы люди, как живые мертвецы, ходим во свете, а света не видим, помогите к нашему делу, чем имеете возможность, ждем с нетерпением Вашего ответа.

С почтением к Вам (12 подписей).

Таких писем многие тысячи были получены Львом Николаевичем. «Ясная Поляна, Льву Николаевичу Толстому» — это был единственный адрес, но которому всякий и отовсюду мог писать.

Сибирские огни. Г. 7 Новосибирск 1928, кн. 5 (сент./окт.)